

Подписная цена съ доставкой и пересылкой: на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—75 коп.

Всемъ годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка платежа: при подп. 2 р. 1-го Мар. 2 р. и 1-го Июня 2 р.

Подписка отъ иногороднихъ принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; подписка отъ городскихъ подписчиковъ принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Объявленія принимаются по таксѣ: для иногороднихъ впереди текста за строку петита—20 коп., послѣ текста—по 12 к. за строку.

Для городскихъ: впереди текста за строку петита 15 коп., послѣ текста по 10 коп. за строку.

Лица, ищущія труда платятъ за каждое объявленіе позади текста въ 6 строкъ по 15 коп. за каждый разъ.

КУРЬЕРЪ

За разсылку приложеній по 3 р. съ тысячи.

За пересылку адреса городского на иногородній—30 коп.

Статьи и корреспонденція, присланные для помѣщенія въ газетѣ должны быть съ подписью и съ адресомъ автора, безъ чего они печататься небудутъ. Въ случае надобности, редакція исправляетъ и сокращаетъ статьи. Рукописи, присланные редакціей безъ подписи къ печатанію, не возвращаются.

Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными.

Редакція открыта для объявленій ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ 1—3 час. дня. Контора открыта съ 8 час. утра до 8 час. вечера, по праздникамъ: днемъ—съ 9 час. утра до 1 часу дня.

Политическая, литературная и общественно-экономическая газета.

Памяти Антона Павловича Чехова.

(Продолжение).

Чеховъ былъ первымъ писателемъ, на которомъ русская читающая публика проявила свою самостоятельность. Въ то время, когда критика клеймила его именемъ индифферентиста, приговждая его къ позорному столбу пособника реакціи,—въ это время Чеховъ читался, какъ никто изъ современныхъ ему беллетристовъ.

Но и въ ничега пагубнѣй для творчества, какъ улюлюканье толпы, какъ ожиданіе хулы,—и Богъ вѣсть, сколько драгоценныхъ струнъ оборвалось въ душѣ Чехова...

Насколько его мучило отношеніе критики и той части интеллигенціи, которая вмѣстѣ съ критикой изрыгала хулу на его дарованіе, видно, напр., изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Плещееву:

„Прочитавши мой рассказъ, напишите мнѣ. Онъ вамъ не понравится, но васъ и Анны Михайловны я не боюсь. Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непременно либераломъ или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепенецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ-бы быть свободнымъ художникомъ — только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ, и мнѣ одинаково противны, какъ секретари консисторій, такъ и Н—чъ съ Гр—скимъ. Фарисейство, тупоуміе и произволъ палятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукахъ, въ литературѣ, среди молодежи... Поэтому я одинаково и не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ ясыникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это человѣческое тѣло, здравіе, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь, абсолютнѣйшая свобода,—свобода отъ ямы и жи, въ чемъ бы послѣднія ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ“. (Письма А. П. Чехова, стр. 59).

Но если онъ не былъ свободнымъ художникомъ, то не отъ недостатка силъ. Обищали ему выполнить свой священный долгъ предъ Богомъ чисто внѣшнія причины. Частію это была скудость матеріальныхъ средствъ, вонуждавшихъ его писать на сѣбѣ, частію общія условія российской дѣятельности,—главнымъ же образомъ сознаніе гражданского долга передъ своимъ народомъ, обязавшее его быть прежде всего гражданиномъ, прежде всего борющимся съ пошлостью и мѣщанствомъ, въ которыхъ погрязала страна.

Не давая ничего положительнаго въ области творчества, онъ ужасомъ рисуя картину будаль бытателя и гдаль изъ этой дѣятельности прочь кулака глупца.

Мечта о свѣтлой жизни, мечта о вѣрномъ идеалѣ и тоска по нему—вотъ положительное, что пока могъ предложить художникъ испуганному обывателю. Онъ заражалъ его этой мечтой, заражалъ этой тоской—самъ былъ съ нимъ, о ангеломъ хранителемъ и заступникомъ съ грозной силой великой, всепоглощающей пошлости...

И свою задачу онъ выполнялъ такъ, какъ не выполняли ее тѣ, кто съ пѣной рта кричалъ объ отсутствіи въ немъ мѣщанственности, и кто, выбиваясь изъ силъ, звалъ обывателя „къ стану погибшихъ за великое дѣло любви“.

Изъ тоскующихъ мечтателей прослѣд-

ствіи родилось здоровое поколѣніе, давшее странѣ лучшихъ борцовъ за ея счастье...

Но выполняя долгъ гражданина, Чеховъ былъ независимъ отъ всякихъ тенденцій. Сознаніе долга не заглушило въ немъ художника,—и въ этомъ его чары, въ этомъ его сила и это же сохранило и спасло его на гордость и славу нашей страны.

Чеховъ безсмертенъ, и безсмертенъ не только какъ художникъ и бытописатель, но и какъ большой мыслитель, оставившій цѣнности, равныя цѣностямъ Гоголя, Достоевскаго, Толстого.

Не принадлежа ни къ какому лагерю, свободный отъ гнета партійности, онъ шелъ своей трудной дорогой служенія великой идее красиваго человѣка, красивой жизни на землѣ.

Рисуя пошлость и человѣконенавистничество, онъ звалъ людей на борьбу съ этими пороками, потому что ими, этими пороками обуславливается дурная жизнь и безъ пораженія ихъ нѣтъ спасенія человѣку. Потому что, кто же собственно является причиной дурной жизни, какъ не сами люди? Будь самъ хорошъ, будь самъ совершенъ и тогда не надо будетъ ни кровопролитія, ни висѣлицъ, ни человѣческихъ жертвъ на завоеваніе счастья. Оно придетъ само, потому что исчезнетъ зло, исчезнетъ „чортъ“, завязывающій узлы человѣческой вражды.

Этому училъ Гоголь, училъ Достоевскій, Толстой и этому же училъ и онъ, Чеховъ.

Въ это взглядъ на интеллигенцію и ее задачи—таже идея.

„Я не вѣрю,—пишетъ онъ въ письмѣ къ Орлову,—въ нашу интеллигенцію лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лѣнивую, не вѣрю даже, когда она страдаетъ и жалуется, ибо ея притѣснители выходятъ изъ ея же нѣдръ. Я вѣрю въ отдѣльныхъ людей, я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи тамъ и сямъ—интеллигенты онѣ, или мужики,—въ нихъ сила, хотя ихъ и мало. Нѣтъ праведнѣе пророкъ въ отечествѣ своемъ; и отдѣльные личности, о которыхъ я говорю, играютъ незамѣтную роль въ обществѣ, онѣ не доминируютъ, но работа ихъ видна“...

И въ данный моментъ полного пораженія нашей интеллигенціи ей не мѣшало бы выискнуть въ смыслъ словъ великаго писателя, чтобы, наконецъ, понять, что зло не въ насъ, а въ насъ самихъ, и чтобы, понявши это, начать великое дѣло освобожденія.

Пусть каждый станетъ той отдѣльной личностью, нѣрой въ которую жилъ художникъ—и тогда то мы вступимъ на путь осуществленія прекраснаго идеала—свободы, равенства и братства...

И мы вѣримъ, что это наступитъ, что скорѣе такой дивной, чистой души, какою была душа Чехова, не прошла даромъ для насъ, ибо она была за насъ, во имя наше.

А потому, пусть день годовщины его смерти будетъ днемъ нашего просвѣщенія, днемъ великаго сліянія всѣхъ во имя любви къ свободѣ, во имя любви къ свободному человѣку.

Это же и будетъ лучшимъ памятникомъ намъ могилѣ всѣмъ милаго, всѣмъ близкаго и всѣмъ дорогаго А. П. Чехова.

П. С. (Владимірова).